

Всеобщая история

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-78-88

ЛУКУЛЛ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Яровой Е.В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Аннотация. В статье рассматривается личность Лукулла, который после смещения с поста командующего римской армией в войне с Митридатом подвергся жесткой критике со стороны Помпея. Несмотря на то, что у него была потенциальная возможность вступить в открытое противостояние со своими оппонентами, Лукулл предпочел уклониться от политической борьбы и сделал выбор в пользу мира и личных удовольствий. Своим поведением он не только продемонстрировал альтернативу гражданской войне, но и подтвердил роль личности в истории.

Ключевые слова: Древний Рим, Понтийское царство, Лукулл, Помпей, Митридат, Тигран Великий, римский сенат.

LUKULL AS AN ALTERNATIVE TO THE CIVIL WAR IN ANCIENT ROME

Ye. Yarovoy

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Abstract. The article deals with the personality of Lucullus, who after being removed from the post of commander of the Roman army in the war with Mithridates was severely criticized by Pompey. Despite the fact that he had the potential to enter into an open confrontation with his opponents, Lucullus made efforts to avoid political struggle and chose peace and personal pleasures. By his behavior he demonstrated not only an alternative to civil war, but also confirmed the role of personality in history.

Key words: Ancient Rome, Pontic Kingdom, Lucullus, Pompey, Mithridates, Tigran the Great, the Roman Senate.

Существование Римской Республики насчитывает почти пять веков. За это время она пережила немало внутренних потрясений. Цепь гражданских войн и восстаний независимого населения ознаменовала трудный переход от Республики к Империи. После войны между марианцами и сулланцами, которая растянулась

© СС ВУ Яровой Е.В., 2018.

более, чем на четверть века (88–62 гг. до н.э.), наступил короткий период внутреннего мира. Этот период относительной стабильности продлился до 49 года, когда вспыхнула очередная гражданская война, на этот раз между Цезарем и Помпеем. Именно в эти годы в истории Республики появились имена Суллы, Помпея, Красса, Цицерона, Цезаря и других выдающихся римлян. В этом ряду, безусловно, стоит и имя Лукулла — потомственного аристократа, талантливого полководца и дальновидного политика. Этот незаурядный военный и общественный деятель оказался незаслуженно забыт потомками и вошел в историю лишь благодаря одной своей, ставшей нарицательной, слабости. Но этот человек имел все возможности развязать гражданскую войну в Республике задолго до противостояния Помпея и Цезаря, лишив Рим короткой мирной передышки. Мог, но не сделал этого. Причины такого поведения можно найти в анализе его личности.

Жизнь Лукулла хорошо известна и достаточно подробно описана Плутархом и современными историками [1; 3; 4; 5; 6; 8]. Тем не менее, чтобы понять его роль в политической жизни поздней Республики, необходимо обратиться к основным и наиболее ярким эпизодам его биографии.

Луций Лициний Лукулл (Понтийский) родился в 117-м году в знатной патрицианской семье. Дед его был консулом, а отец — наместником в Сицилии, где сумел собрать немалое состояние, которое впоследствии передал своим сыновьям. Авгур Сервилий даже обвинил его в присвоении казенных денег, что возмутило совсем еще молодого Лукулла и его младшего брата

Марка. Они привлекли жреца к суду. Несмотря на то, что процесс они проиграли и Сервилий был оправдан, этот поступок заслужил одобрение горожан. Тем более, что упоминаний о конфискации их имущества нет [3, с. 203]. С тех пор Лукулл неизменно пользовался уважением римлян.

Плутарх свидетельствует, что он получил прекрасное образование, знал два языка и свободно изъяснялся по-латыни и по-гречески. В молодые годы Луций принял участие в Марсийской войне, во время которой проявил себя как мужественный и бесстрашный воин. Император Сулла обратил на него внимание и до конца своих дней сохранил расположение к молодому аристократу [4, II–III].

Доверие к Лукуллу было настолько велико, что он даже поручил ему опеку над сыном Фаустом. В своем завещании Сулла обошел Помпея; он не только назначил Лукулла воспитателем сына, но и доверил ему издание «Воспоминаний». Это решение престарелого диктатора стало поводом для раздора, хотя и существует точка зрения, что нет оснований говорить о вражде Помпея и Лукулла вплоть до 66 года [6].

Вскоре после кончины Суллы, в 74 году Лукулл вместе с Марком Аврелием Коттой был избран консулом. По жребию он должен был отправиться в Цизальпинскую Галлию, но он сумел добиться назначения наместником в Киликию [5, с. 52]. В том же году Митридат вновь выступил против римлян. С началом войны Лукулл возглавил армию, в то время как Котта получил под командование флот.

На этот раз Митридат серьезно подготовился к войне. Он собрал 120 тысяч пехоты, 16 тысяч конницы, мно-

жество колесниц и боевых кораблей [4, VII]. Войско Лукулла было намного скромнее и состояло из одного легиона, с которым он прибыл из Италии, и солдат, оставленных еще Суллой в Азии. Это были независимые воины, которые когда-то бунтовали против своих командиров, но в то же время обладали большим военным опытом. Новому командующему удалось быстро восстановить дисциплину.

Кроме военных, Лукуллу пришлось решать и другие проблемы. Его обеспокоило, что в Вифинии и в городах Малой Азии местное население, встречало Митридата как освободителя. Оказалось, что оно было обложено непомерными поборами со стороны римских ростовщиков, хотя первоначальная контрибуция, наложенная на Азию после первой войны с Митридатом, была давно выплачена. Но путем различных махинаций с процентами ростовщики ухитрились увеличить этот долг в шесть раз! Местные жители были в отчаянии, так как «откупщики налогов и ростовщики грабили и закабалили страну. Всех должников ожидал один конец – рабство» [4, XX].

Лукулл сумел решительно переломить настроение в регионе. Он ограничил ежегодный ссудный процент и принял ряд других срочных указов. Это позволило местным жителям в течение последующих четырех лет полностью освободиться от долгового бремени.

Положив конец вымогательствам и прогнав ростовщиков, Лукулл заслужил уважение у провинциалов. Но одновременно он приобрел и большое количество влиятельных врагов. Ведь большинство ростовщиков состояло из римских всадников, которые не желали мириться с потерей огромных

доходов в Азии. Поэтому в Риме стали раздаваться громкие и многочисленные жалобы против полководца.

Иногда проблемы возникали с неожиданной стороны. Так, его ближайший сподвижник Котта решил самостоятельно победить Митридата, но в итоге был разгромлен как на суше, так и на море. Учитывая значительные потери в армии и на флоте, он теперь рассчитывал только на благородство Лукулла. Но в армии Котта осудили и потребовали немедленно идти на столицу Понта, сулившую огромные трофеи. Показателен ответ Лукулла на эти призывы: «Я предпочту вызволить из рук врагов хоть одного римлянина, нежели завладею всем достоянием вражеским» [4, VIII]. После этого он приказал двигаться на север Малой Азии, где Митридат осадил стратегически важный город Кизик.

С первых же своих шагов Лукулл проявил себя, как опытный и дальновидный полководец. Увидев огромную армию противника, он отказался от генерального сражения и решил «бить врага по желудку». Он разбил лагерь на господствующей высоте, перерезав снабжение войска царя. В то время как кизикийцы держали оборону, Лукулл делал все возможное, чтобы прервать продовольственное снабжение противника. И добился этого: в армии понтийцев начался голод. Когда Митридат решил ночью отправить часть войска и всю конницу с обозом из лагеря, Лукулл с небольшими силами бросился в погоню и разгромил беглецов. Захваченных пленных он демонстративно провел перед лагерем понтийцев. Те были деморализованы, и Митридат вынужден был снять осаду города. Несмотря на численное превосходство, понтийцы

стали отступать, и стратегическая инициатива перешла к римлянам.

Лукулл отказался дать отдых солдатам и повел их в Понт, оставляя в стороне богатые города. Солдаты, жаждавшие трофеев, были этим крайне недовольны. Однако Лукулл не обращал на это внимания, стремясь вновь сразиться с соперником. За короткий период Митридату удалось собрать новое войско, в то время как у Лукула численность армии уменьшилась и ее дисциплина не отличалась надежностью. Тем не менее сражения проходили с переменным успехом, и в итоге Митридат в очередной раз был разбит и бежал [3, с. 204–205].

Лукулл знал и учитывал, что армянский царь Тигран был зятем Митридата, поэтому предполагал, что тот будет искать у него убежища. Так и случилось — понтийский царь бежал в Армению. После трех лет ведения боевых действий война была практически выиграна: Митридат был изгнан отовсюду, в том числе из своего царства. Но Лукулл желал довести войну до логического победного конца. При этом он прекрасно понимал, что вторгаться в глубь горной страны с небольшим войском крайне рискованно. Поэтому предпринял попытку решить этот вопрос мирным путем и отправил посла к армянскому царю.

Но выслушав требование Лукулла, уверенный в своем могуществе Тигран отказался выдать тестя и заявил, что в случае войны с Римом сумеет защититься. Война стала неизбежной. Римскому полководцу ничего не оставалось, как начать новую военную кампанию в неизвестной и далекой стране. При этом санкции сената и народа на ее проведение он не получил [3, с. 206].

«Его солдаты, которые и без того не отличались послушанием, шли в поход неохотно, открыто выражая свое недовольство. Тем временем в Риме народные вожаки выступали с шумными нареканиями и обвинениями против Лукулла: он-де бросается из одной войны в другую — хотя государство не имеет в том никакой надобности — лишь бы оставаться главнокомандующим и по-прежнему извлекать выгоду из опасностей, в которые он ввергает отечество. Со временем эти наветы достигли своей цели» [4, XXIV].

Лукулл двинулся к Тигранокерту, но Тигран поспешно оставил этот город-крепость, чтобы собрать большое войско. Лукулл решил выманить его на генеральное сражение, осадив армянскую столицу. Расчет оказался верным: вскоре царь появился у ее стен во главе огромной армии. Она насчитывала 150 тысяч человек тяжеловооруженной пехоты, 55 тысяч всадников, из которых 17 тысяч было заковано в броню, и 20 тысяч лучников. Сверх того, в его войске находилось еще 35 тысяч человек, занимавшихся инженерными работами. Тигран был настолько уверен в успехе, что не стал даже поджидать Митридата, чтобы не делить с ним безусловную победу. Увидев противника, он произнес знаменитую фразу: «Для посольства их много, а для войска мало!» [4, XXVII].

Оставив часть воинов блокировать город, Лукулл двинулся навстречу царю. Увидев наступающих римлян, Тигран не поверил своим глазам: «Это они на нас?». Но когда римляне нанесли удар по его броненосной коннице, царь перестал шутить. Легионеры стали выбивать у всадников их единственное оружие — копыя, и разить их

в не прикрытые броней бедра и голени. Почти сразу же армянская конница бросилась в бегство. Так как Лукулл предусмотрительно оставил единственное открытое для их отступления направление, всадники врезались в боевые порядки своей пехоты и смяли ее. Враг побежал, не оказав достойного сопротивления.

«Говорят, – пишет биограф, – что у неприятеля погибло свыше ста тысяч пехотинцев, а из всадников не ушел живым почти никто. У римлян было ранено сто человек и убито пять» [4, XXVIII]. Скорее всего, потери армян преувеличены, в то время как и 5 погибших римлян вызывают сомнения. Но, как бы там ни было, это сражение стало одним из самых победоносных в истории римского оружия. Показательно, что могущественный царь царей первым бросился в бегство. Когда на пути он увидел сына, то передал ему свою диадему. Тот же, боявшийся деспота-отца, отдал ее на сохранение слуге, который вскоре попал в плен и выдал царскую диадему Лукуллу. Впоследствии она украсила его триумф в Риме.

Армянский царь бежал в глубь страны, а Тигранокерт вскоре был взят римлянами. По этому поводу очень метко выразился Плутарх: «Лукулл одолел двоих самых прославленных и могущественных царей двумя противоположными средствами — стремительностью и неторопливостью: если Митридата, находившегося в то время в расцвете своего могущества, он вконец измотал, затягивая войну, то Тиграна сокрушил молниеносным ударом» [4, XXVIII].

После этого Лукулл выиграл еще несколько сражений, заслужив славу полководца и уважение за то, что вел

войну, не требуя денег из государственной казны. Намереваясь добиться полной победы и не обращая внимания на ропот солдат, он снова выступил против Тиграна и Митридата. Однако недовольство в армии римлян позволило царям выиграть время и собрать новое войско. Лишь в середине лета 68 года легионеры Лукулла вступили на территорию Внутренней Армении. Напуганный Тигран не хотел давать генеральное сражение. И вновь Лукуллу пришлось применить испытанный метод: он двинулся к главной столице Великой Армении – Артаксатам, где находились жены и дети царя. И только тогда Тигран решился на битву. Она произошла у реки Арсаний, в двухстах километрах от столицы. После непродолжительного боя войска Тиграна и Митридата потерпели страшное поражение. Путь на столицу Великой Армении был свободен.

Лукулл было двинулся дальше, но свои планы ему пришлось изменить из-за непредвиденных проблем. Уже в середине сентября на армянской возвышенности неожиданно выпал снег, грянули морозы, и появился лед, от которых стали страдать не только кони, но и люди. Уставшие от длительной войны солдаты жили в болотистых лесах, в сыром и холодном лагере. Не удивительно, что в войсках начался ропот, который грозил перерасти в бунт. По свидетельству Плутарха, «Лукулл перепробовал множество настоятельных увещаний, упрасывая (солдат) запастись терпением, пока не будет взят «армянский Карфаген» но ничто не помогало, и он вынужден был повернуть назад» [4, XXXII].

На северо-западе от Месопотамии римляне захватили богатый город Нисибина, где расположились на зимних

квартирах. Попав в относительно достойные условия, солдаты заявили, что больше не пойдут ни против Тиграна, ни против Митридата. В армии Лукулла исчез всякий порядок. Униженные обращения командующего не смогли переломить эти настроения. Максимум, чего он смог добиться, – согласия остаться еще на лето. Солдаты держали себя нагло и отказывались воевать. Этими настроениями тут же воспользовались цари, и Митридат вторгся в Понт. В 67 г. он разбил подчиненного Лукуллу полководца Триария и вернул свое царство. Итог семилетней кампании оказался нулевым [3, с. 208].

В Риме сразу же активизировались противники Лукулла. Они кричали о его властолюбии. В 66 году народный трибун Гай Манилий выступил с предложением передать в наместничество Помпею Киликию, Вифинию и Понт. Также он внес законопроект о передаче ему командования на Востоке. Несмотря на недовольство сената, данный законопроект был принят народным собранием, и Помпей был назначен главнокомандующим в войне против Митридата. Цицерон, который был избран претором, горячо выступил в поддержку закона Манилия. Вот короткий фрагмент из его речи, произнесенной на форуме в 66 году: «О, если бы к вашим услугам, квириды, было так много храбрых и честных мужей, что вам было бы трудно решить, кому именно можно поручить ведение столь трудной войны! Но теперь, когда Гней Помпей является единственным человеком, мужеством своим затмившим не только своих современников, но также и тех, о ком повествуют предания старины, что может при решении этого вопроса вызывать сомнения у

кого бы то ни было?» [2, X:27]. Но в этой же речи известный оратор посчитал необходимым отметить и заслуги Лукулла: «Я воздаю Луцию Лукуллу всю похвалу, какой он заслуживает как храбрый муж, многоопытный человек и великий император... Лукулл сразу же по прибытии занял очень много городов Понта и Каппадокии; и что все эти подвиги были совершены без убытка для союзников и без ущерба для поступления налогов и податей. В этом, полагаю я, заключается очень веская похвала, квириды, которая должна убедить вас в том, что ни один из хулителей защищаемого мной закона и дела не воздал Луцию Лукуллу с этого места подобной хвалы» [2, VIII: 20].

Лукулл встретил Помпея в деревушке Данала в Галатии. Первые минуты не предвещали конфликта. «Перед обоими ликторы несли пучки розог, увитые лаврами, чтобы почтить их победы, Но Помпею пришлось проделать долгий путь, и лавры, обвивавшие розги его ликторов, засохли; заметив это, ликторы Лукулла дружески поделились с ними своими лаврами, которые были свежи и зелены. Друзья Помпея сочли это благим знамением – и действительно, деяния Лукулла послужили к украшению похода Помпея», – утверждает биограф [4, XXXVI]. Как видим, встреча полководцев началась достаточно дружелюбно. Но постепенно она приобрела бурный характер. Если верить Плутарху, «Помпей упрекал Лукулла в алчности, а Лукулл его — во властолюбии...» . При этом Лукулл справедливо намекал, что он забрал часть славы у Красса, а теперь старается присвоить себе славу армянской и понтийской войны» [4, XXXI]. По мнению некоторых историков, ссора произошла после

того, как речь зашла об утверждении распоряжений Лукулла [6, с. 118].

Действительно, Помпей, вступив в права главнокомандующего, с неоправданным рвением взялся за искоренение всего, что сделал его предшественник. Он «не оставлял неприкосновенным ни одного указа Лукулла: отменял наложенные наказания, отнимал полученные награды и вообще ревностно старался показать сторонникам Лукулла, что тот уже не имеет никакой власти» [4, XXXI]. О сложившейся ситуации сообщает и Страбон: «Но когда прибыл Помпей... он счел всех, оказавших какие-либо услуги его предшественнику, личными врагами... Возвратившись домой по окончании войны, Помпей добился того, что сенат не утвердил почестей, обещанных Лукуллом некоторым понтийцам; потому что, по словам Помпея, когда один полководец счастливо закончил войну, было бы несправедливо, чтобы от другого зависело распределение наград и почестей» [7, XII:3.33]. Как видно, Помпей делал все, чтобы оскорбить Лукулла.

В этом отношении показательна трогательная сцена капитуляции Тиграна, описанная биографом: «Когда царь предстал перед Помпеем, он... (хотел) упасть перед ним на колени. Помпей, однако, успел схватить царя за правую руку и усадил его рядом с собой. Он объявил царю, что виновник всех прежних его несчастий — Лукулл, который отнял у него Сирию, Финикию, Киликию, Галатию и Софену» [4, XXXIII]. Показательно, что даже в минуту своего триумфа Помпей не упустил шанс в очередной раз задеть своего предшественника. Надо признать, что у последнего были все причины для обиды.

В этом чрезмерно пристрастном поведении Помпея проступает стремление оскорбить и унижить бывшего командующего. Причем нередко это происходило в присутствии солдат и офицеров, награжденных Лукуллом во время похода. В данном случае можно согласиться с теми исследователями, которые объясняют его столь неприглядное поведение постыдной ревностью, «которая питалась в данном случае безмерным честолюбием». К тому же Помпей не отличался «особой щепетильностью» и не пытался объективно оценить свои недостатки [3, с. 211]. Например, в последний момент он отнял у Красса плоды его легкой победы над Спартаксом, а затем приписал себе и успехи Лукулла, без труда победив Митридата.

Сдав дела, Лукулл уехал в Рим, где его встретили далеко не ласково. После длительного ожидания он все таки получил разрешение на триумф. Но этому предшествовали интриги Помпея и его ставленника – трибуна К. Меммия, который был у него квестором в Испании. Последний обвинил Лукулла в сокрытии общественных денег. Однако доказать это не удалось и Лукулл был оправдан. Его триумфальный въезд в Рим показал народу полководческий талант Лукулла.

Производит впечатление описание привезенных в столицу трофеев. «Лукулл украсил Фламиниев цирк великим множеством вражеского оружия и военными машинами царя. В триумфальном шествии прошли несколько закованных в броню всадников, десяток серпоносных колесниц и шестьдесят приближенных и полководцев царя; за ними следовали сто десять военных кораблей с окованными медью носами, золотая статуя самого Митридата, его

щит, усыпанный драгоценными камнями, затем двадцать носилок с серебряной посудой и еще носилки с золотыми кубками, доспехами и монетой, в количестве тридцати двух... Восемь мулов везли золотые ложа, еще пятьдесят шесть – серебро в слитках и еще сто семь – серебряную монету, которой набралось без малого на два миллиона семьсот тысяч драхм. На больших писчих досках значилось, сколько денег передано Лукуллом Помпею на ведение войны с пиратами, сколько внесено в казну. Затем Лукулл устроил великолепное угощение для жителей Рима и окрестных сел» [4, XXXVII]. Закончился триумф великолепным угощением для жителей, на котором было открыто более 100 тысяч бочек вина. Но даже льющееся рекой вино не вызвало особых восторгов толпы — этот триумф запоздал, как минимум, на три года!

Назначая триумф, сенаторы, видимо, рассчитывали пробудить законную гордость и одновременно оживить в памяти триумфатора все обиды, нанесенные ему соперником. В перспективе Сенатская партия хотела выставить Лукулла главным оппонентом Помпея, который своим возвышением и военными победами стал вызывать у нее серьезные опасения [8, с. 62]. Но этот расчет не оправдался. Лукулл имел все основания, чтобы выступить против своего обидчика, но в силу своего характера и воспитания не использовал сложившуюся ситуацию и уклонился от участия в политической борьбе. Видимо, он рассудил, что уже испытал достаточно огорчений и хотел провести остаток своих дней в покое.

Но были ли в Риме объективные условия для открытого противостояния Лукулла с могущественным противни-

ком? Анализ сложившейся политической ситуации и биографии Лукулла позволяет считать, что были.

Лукулл мог уклониться от прямого столкновения с Помпеем в силу слабости своего характера, тем более, что по свидетельству современников перед своей отставкой часто сносил обиды и оскорбления со стороны собственных солдат и офицеров. Плутарх считал, что Лукулл «никогда не умел быть ласковым с солдатской толпой, почитая всякое угождение подчиненным за унижение и подрыв власти начальствующего. А хуже всего было то, что с людьми могущественными и равными ему по положению он тоже ладил плохо, глядел на всех свысока и считал ничтожествами по сравнению с собой» [4, XXXIII]. Некоторые историки с сомнением относятся к данной характеристике, отмечая, что он действительно не угождал подчиненным. Но упрек в высокомерии по отношению к равным по положению не совсем справедлив. Ведь среди римской аристократии было немало людей алчных и бесчестных. И вряд ли они заслуживали лучшего отношения со стороны командующего. В таком случае Лукулла можно упрекнуть лишь в недостатке лицемерия [3, с. 209].

Солдаты также считали его бездушным и холодным гордецом, не желающим учитывать их интересы и настроение. Причина такого отношения кроется, скорее всего, в том, что командующий требовал от них безусловной дисциплины и, главное, запрещал грабежи и насилия, зачастую лишая воинов заслуженных, по их мнению, трофеев. Хотя надо признать, что последнее не всегда ему удавалось. Плутарх пишет: в нем «сказывалась душевная кротость и отличное воспитание, и

именно этими качествами Лукулл без оружия покорял чужеземные народы» [4, XXIX]. Казалось бы, выражение «душевная кротость» не очень соответствует облику римского полководца. Но в данном случае, эти слова, видимо, не следует понимать, что он был слабовольным и мягкотелым.

О его мужестве и смелости сохранилось немало свидетельств. Так, под Кизиком он лично возглавил пехоту и конницу в преследовании отряда понтийцев, которых наголову разгромил. А когда в одной из стычек с солдатами Митридата римляне побежали, Лукулл вышел из лагеря и не только остановил беглецов, но и повернул их назад. В битве при Тигранокерте он шел в доспехах полководца в первых рядах легионеров, которых лично направил на панцирную конницу Тиграна [4, XV и XXVIII]. Подобных эпизодов в его биографии можно привести еще немало. Таким образом, говорить о слабости или нерешительности Лукулла не приходится.

Несмотря на то, что в Риме у него было множество недоброжелателей, у Лукулла оставалось и немало сторонников. Часть сенаторов даже была готова поставить его во главе оппозиции против Помпея. Ведь Лукулл еще со времен суда против Сервилия пользовался авторитетом среди простых горожан. Даже тогда этот частный и локальный судебный процесс вызвал столкновения с ранеными и убитыми. Не секрет и то, что после возвращения в Рим добиться триумфа ему помогли многие влиятельные граждане. Все эти факты свидетельствуют о том, что при желании он бы нашел поддержку в определенной части общества.

Вернувшись на родину, Лукулл понял, что его жизнь, целиком отданная

суровым походам, заботам о могуществе Рима, не получила достойной оценки сограждан. Видимо он психологически устал, чтобы продолжать политическую борьбу. Некоторые историки считают, что «Лукулл отнюдь не был лидером в борьбе с притязаниями Помпея» [6, с. 123], намекая на его личные качества. Но все его поведение на войне свидетельствует о наличии у него лидерских качеств. Видимо, будучи человеком дальновидным и умным, он посчитал излишним для себя участвовать в подковерной, а затем и в открытой борьбе за власть, которая могла закончиться гражданской войной с непредсказуемыми последствиями. К тому же, он прекрасно видел, что заслуженная на полях сражений слава ничего ему не дает. Долгожданный триумф был встречен прохладно, и сам триумфатор с горечью понял, насколько переменчиво настроение толпы. Семейная жизнь также не удалась – два брака распались, принеся Лукуллу сплошные разочарования.

И в самом расцвете лет, всего лишь в 54 года, перед ним встала проблема: как жить дальше? Путь был два: с головой окунуться в борьбу за власть или отойти от политических дрязг. Если верить характеристике, которую дал ему Плутарх, то он недолго стоял перед этим выбором. Решение было принято однозначно в пользу второго варианта. Детей у Лукулла не было, и огромное состояние некому было оставить, кроме брата Марка, который был почти его ровесником. Поэтому Лукулл решает посвятить остаток жизни исключительно себе, за что и удостоился осуждения историка.

Несмотря на то, что Плутарх описывает своего героя с нескрываемой

симпатией, он укорял его за «забавы», к которым почему-то относит расточительное, по его мнению, строительство и увлеченное собирательство произведений искусства. Но больше всего нареканий вызывают у него «ежедневные пиры с тщеславной роскошью человека, которому внове его богатство» [4, XL]. Но Лукулл никогда не был бедным человеком. Поэтому вряд ли объективно говорить о нем, как о человеке, который неожиданно стал богачом. Внушительный капитал, который отчасти он получил по наследству, отчасти – в войнах, не вызывал осуждения в обществе и позволял ему жить на широкую ногу. Нет необходимости описывать огромные траты полководца на роскошное строительство и не менее роскошную жизнь. На себя он денег не жалел, так как прекрасно понимал, что свое состояние на тот свет не заберет.

Лукулл, несомненно, был «продолжателем традиций славных полководцев времен расцвета Республики» [3, с. 207]. Но он вошел в историю не как опытный и бесстрашный командующий, благоразумный политик и ценитель литературы, а, скорее, как эпикуреец, который сумел поразить своих современников роскошной жизнью в конце своего жи-

зненного пути. Его победы над Митридатом и Тиграном, сложные и опасные походы, личная храбрость известны больше историкам, в то время как некоторые его выражения стали афоризмами («Лукуллов пир», «Лукулловы сады», «Лукулл в гостях у Лукулла»).

Несмотря на все приписываемые излишества, очевидно, что последние годы своей жизни Лукулл прожил в собственное удовольствие. Причем прожил достойно, не оставив фактов пьяных оргий или непристойного поведения. Скорее наоборот. Увлечение книгами, писательством, создание общедоступной библиотеки, собранная коллекция картин и скульптур вызывают к нему симпатию. Не случайно, когда он умер в возрасте шестидесяти лет, римляне искренне скорбели и хотели похоронить его на Марсовом поле. Несмотря на большой боевой опыт, а возможно и благодаря этому, он сделал в свое время осознанный для себя выбор в пользу мира и личных удовольствий. Поэтому его судьбу можно рассматривать не только как политическую дальновидность, но и как осознанную альтернативу гражданской войне в Риме.

Статья поступила в редакцию 02.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Лубченков Ю.Н. Луций Лициний Лукулл (ок. 117–56 до н.э.) – римский полководец // Его же. 100 великих аристократов. М.: Вече, 2013. С. 28–31.
2. Марк Туллий Цицерон. Речь о предоставлении империя Гнею Помпею (О Манилиевом законе) // Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Том I. М.: АН СССР, 1962. С. 167–186.
3. Остерман Л.А. Римская история в лицах. М.: О.Г.И., 1997. С. 193–214.
4. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Наука, 1994. 706 с.
5. Смыков Е.В. Луций Лициний Лукулл: полководец и общественное мнение // Античный мир и археология. Вып. 10. Саратов: СГУ, 1999. С. 47–62.
6. Смыков Е.В. Гн. Помпей и Л. Лициний Лукулл: истоки и история одного конфликта // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 1999. С. 108–126.

7. Страбон. География. М.: Олма Пресс, 2004. 638 с.
8. Штоль Г.В. Луций Лициний Лукулл // Его же. История Древнего Рима в биографиях. Смоленск: Русич, 2003. С. 427–449.

REFERENCES

1. Lubchenkov Yu.N. Lutsii Litsinii Lukull (ok. 117–56 do n.e.) – rimskiy polkovodez [Lucius Licinius Lucullus (C. 117–56 BC) – Roman military leader]. In: *100 Great Aristocrats*. Moscow, Veche Publ., 2013, pp. 28–31.
2. Mark Tullii Tsitseron. Rech' o predostavlenii imperiya Gneyu Pompeyu (O Manilievom zakone) [Marcus Tullius Cicero. Speech on giving Pompey to the Empire Gnew (On Maniliy law)]. In: *Cicero. Rechi v dvukh tomakh*, vol. I. Moscow, AN SSSR Publ., 1962, pp. 167–186.
3. Osterman L.A. *Rimskaya istoriya v litsakh*. Moscow, O. G. I., 1997, pp. 193–214.
4. Plutarkh. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [Plutarch. Comparative biographies]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 706 p.
5. Smykov E.V. [Lucius Licinius Lucullus: the commander and public opinion]. In: *Antichnyi mir i arkheologiya*, iss. 10. Saratov, SGU Publ., 1999, pp. 47–62.
6. Smykov E.V. Gn. Pompei i L. Litsinii Lukull: istoki i istoriya odnogo konflikta [Gn. Pompey and L. Licinius Lucullus: the origins and history of one conflict]. In: *Drevnie i srednevekovye tsivilizatsii i varvarskii mir* [Ancient and medieval civilization and the barbarian world]. Stavropol, Stavropol state university Publ., 1999, pp. 108–126.
7. Страбон. География [Strabo. Geography]. Moscow, Olma Press Publ., 2004. 638 p.
8. Shtol' G.V. Lutsii Litsinii Lukull [Lucius Licinius Lucullus]. In: *Shtol' G.V. Istoriya Drevnego Rima v biografyakh*. Smolensk, Rusich Publ., 2003, pp. 427–449.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: ev.yarovoy@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yevgeny V. Yarovoy – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Archeology, History of Ancient World and Middle Ages, Moscow Region State University;
e-mail: ev.yarovoy@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой Е.В. Лукулл как альтернатива гражданской войны в Древнем Риме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 78–88.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-78-88

FOR CITATION

Yarvoi Ye. Lukull as an Alternative to the Civil War in Ancient Rome. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 78–88.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-78-88